

Софи
Ханна

Софи Ханна

ИДЕЯ ФИКС

Москва
2017

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Х19

Sophie Hannah
THE LASTING DAMAGE
Copyright © Sophie Hannah 2011

Оформление серии,
иллюстрации на суперобложке и форзацах
Ф. Барбышева

Ханна, Софи.
Х19 **Идея фикс / Софи Ханна; [пер. с англ. М.Ю. Юркан].** — Москва : Издательство «Э», 2017. — 480 с. — (Софи Ханна. Вторая мать Эркюля Пуаро).

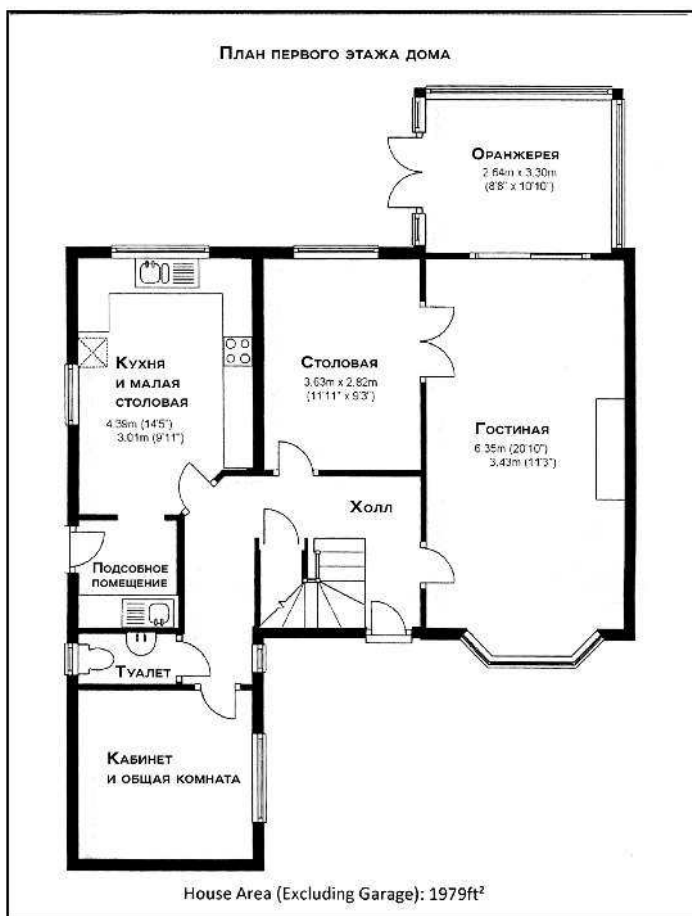
ISBN 978-5-699-92964-1

Конни Боускилл уже давно подозревала, что муж завел шашни на стороне — ведь недаром он постоянно ездит в Кембридж в какой-то дом, адрес которого «забит» в его навигаторе. А теперь она случайно узнала, что дом этот выставлен на продажу. Конни отыскала виртуальный тур по нему на сайте продавца недвижимости — и запустила видео в надежде отыскать какие-то следы пребывания своего неверного супруга. Она была поражена, увидев в гостиной... труп женщины, лежащей на полу в луже крови. Но еще больше Конни поразило то, что при повторном просмотре видеотура никакого трупа в гостиной уже не было! Не зная, чему верить — своим глазам или голосу рассудка, — она решила на всякий случай позвонить знакомому своих знакомых, детективу Саймону Уотерхаусу...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

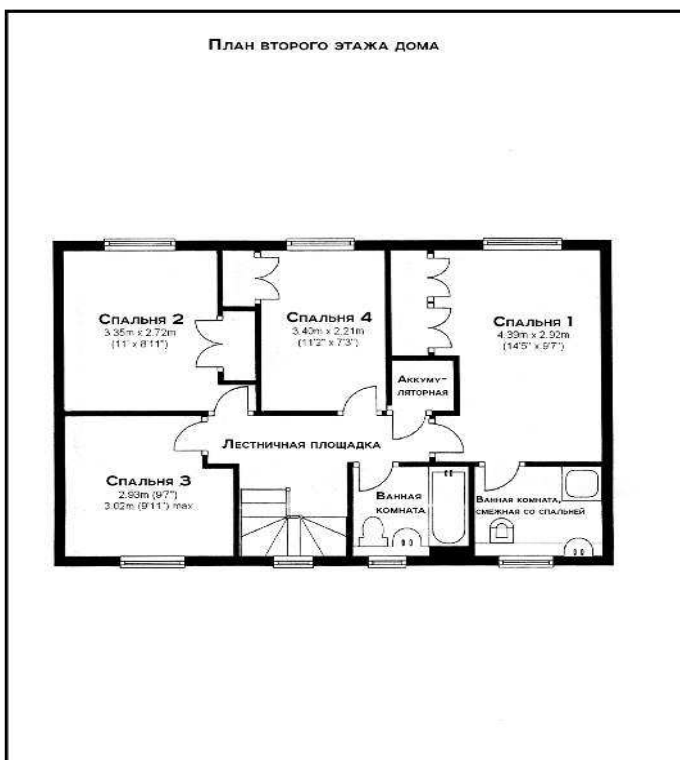
© Перевод на русский язык, М.Ю. Юркан, 2016
© Издание на русском языке.
ISBN 978-5-699-92964-1 Оформление. ООО «Издательство Э», 2017

Вебсайт агентства недвижимости
«Золотая ярмарка»
Дом на продажу: Кембридж, Бентли-гроув, 11

Жилая площадь (исключая гараж): 1979 квадратных футов¹

¹ 1 квадратный фут равен приблизительно 0,09 кв. м, то есть жилая площадь составляет около 184 кв. м.

Метраж помещений приведен исключительно для ориентации.

Приведенные выше планы этажей дома, размеров дверей, окон и комнат являются приблизительными и дают лишь общее представление о предлагаемой для продажи недвижимости, в силу чего возможны некоторые неточности и упущения. Поэтажные планы представлены исключительно в целях рекламы для любых потенциальных покупателей, которые могут заказать точные измерения, обратившись в Королевский институт сертифицированных оценщиков. Агентство не проводило проверок действия сервисного обслуживания, бытовой техники и аппаратуры и не дает гарантии по их эксплуатационным свойствам и эффективности действия.

Суббота

24 июля 2010 года

Меня вот-вот убьют из-за не знакомой мне семьи по фамилии Гилпатрик.

Семьи из четырех человек: мать, отец, сын и дочь.

— *Элиза, Донал, Риордан и Тилли*, — неожиданно сообщил мне Кит их имена, точно я жаждала быстрее покончить с формальным знакомством, чтобы узнать их получше, хотя единственное, чего мне хотелось, — это с криком выбежать из этой комнаты. — Риордану исполнилось семь лет, — добавил он, — а Тилли — пять.

«Заткнись, ради бога!» — хотелось мне завопить ему в лицо, но я пребывала в таком ужасе, что не смела даже рта раскрыть. Словно кто-то сомкнул мне уста, навечно наложив на них печать молчания, и отныне я больше никогда не смогу вымолвить ни единого слова.

Это судьба. Именно поэтому, именно так, здесь и сейчас, мне предстоит умереть. По крайней мере, я в конце концов поняла причину.

Кит испуган не меньше меня. Даже больше. Потому что он продолжает говорить, сознавая то, что осознает любой в преддверии неминуемой жуткой кончины: соединение страха и безмолвия превращается в некую новую реальность, в тысячу раз более ужасающую, чем сумма ее слагаемых.

— Да, Гилпатрики, — произнес он, не замечая стекающих по щекам слез.

В зеркале над камином я заметила отражение двери. Она казалась меньше и дальше от нас, чем на самом деле, но я была не в силах даже обернуться и прямо взглянуть на нее. Очертаниями зеркало напомнило мне массивную могильную плиту: прямоугольник, увенчанный дугой свода.

— Мне не верилось в их существование. Сама фамилия казалась выдуманной. — Кит рассмеялся, подавив рыдание. Его била нервная дрожь, и даже голос у него дрожал. — Фамилия Гилпатрик сродни тем, что придумывают сочинители для персонажей романов. Мистер Гилпатрик. Если б только я поверил в его реальность, наша жизнь осталась бы неизменной. Мы продолжали бы благополучно жить. Если б только...

Он стоял спиной к запертой двери гостиной. Из холла донесся топот стремительных шагов, и мы оба услышали их. Они уже в доме...

Неделей раньше

1

Суббота

17 июля 2010 года

Я лежала на спине с закрытыми глазами, дожидаясь, когда изменится дыхание Кита. Сама я притворялась спящей, стараясь дышать медленно и сонно, в надежде услышать такое же дыхание от него, прежде чем вылезти из постели — вдох и пауза, выдох и пауза — и попытаться развеять одно безобидное заблуждение. Неужели только я способна на такое притворство, или женщины испокон веков вели себя так, сплошь и рядом, по всему миру? Но если другие женщины и притворялись, то, должно быть, по другим, более обыденным, чем мои, причинам: допустим, какой-то плутоватой жене или подруге захотелось

тайно послать сообщение очередному любовнику или украдкой выпить на сон грядущий последний, заслуживающий порицания бокал вина, сверх пяти уже выпитых. Обыденные причины. Обыкновенные потребности.

Ни одна женщина в мире не оказывалась в ситуации, выпавшей сейчас на мою долю.

На редкость глупые мысли. Нет вообще никакой особой «ситуации», за исключением той, что ты состряпала в твоём воображении. Ингредиенты: случайное стечение обстоятельств и параноидальный синдром или старозаветная викторианская идея фикс.

Но никакие уговоры внутреннего голоса не срабатывали. Поэтому, ради спокойствия, мне необходимо все проверить. Проверка не равнозначна безумию: безумием стало бы упущение возможности проверки. Ведь если, посмотрев, я ничего не обнаружу, то смогу забыть об этом, признав, что у меня всего лишь разыгралось воображение.

Согласна?

Мне не придется слишком долго ждать начала действий. Кит обычно засыпает, как убитый, вскоре после выключения света. Надо только досчитать до ста... Но я не могу. Не могу заставить себя сосредоточиться на маловажных для меня пустяках. Если бы смогла, то сумела бы вернуться в безоблачное прошлое, навсегда выкинув из головы дом №11 по Бентли-гроув. Удастся ли мне это в обозримом будущем?

Пребывая в ожидании, я мысленно представила, что именно буду делать. Потом мои мысли переключились на нашу с Китом спальню — что она могла бы поведать о нас совершенно не знакомому с нами человеку? Большая массивная кровать, камин с чугунной решеткой, по бокам от него две одинаковые стенные ниши, где стоят два наших одинаковых гардероба. Киту нравится симметрия. Когда я предложила купить вместо нашей обычной двуспальной кровати одно ложе истинно королевских размеров, он лишь заметил, что тогда не хватит места для двух одинаковых прикроватных тумбочек. А услы-

шав, что я буду рада пожертвовать своей тумбочкой, Кит глянул на меня так, словно я подбивала его на анархию, замыслив уничтожить весь гармоничный упорядоченный мир.

— Нельзя поставить тумбочку только с одной стороны кровати, — убежденно заявил он.

В итоге мы оба пожертвовали тумбочками.

Сначала взяв с меня обещание сохранить его слова в тайне, Кит также признался, что мог бы смириться с неудобством, если бы ему пришлось свешиваться с кровати, складывая на пол книги, часы, очки и мобильник, но спальня, лишенная «правильной симметрии», вызывала бы его неизменное раздражение.

— Ты уверен, что искренне приобщился к компании гетеросексуалов? — поддразнивая, спросила я.

— Либо уверен, — усмехнулся он, — либо притворяюсь таковым ради того, чтобы ежегодно получать присылаемые мне традиционные рождественские открытки. Полагаю, какова правда на самом деле, ты так никогда и не узнаешь.

До самого пола спускались кремовые шелковые шторы. Киту больше нравились римские жалюзи, но и в данном случае я одержала победу. Мне с детства хотелось шелковые занавески, они фигурировали в непреходящих мечтах о будущем «собственном доме». Причем шторы в спальне должны стелиться по полу — таков мой взгляд на порядок вещей. По-моему, у каждого человека есть по меньшей мере одно незыблемое понятие о правильности, и каждый из нас считает свое представление разумным, а иное мнение — совершенно абсурдным.

Над камином висит вставленная в раму вышитая гладью картина: красный дом на прямоугольном зеленом поле, навевающим мысли о саде. Однако цветы на сплошной травяной заливке заменила витиеватая надпись, вышитая ярким оранжевым цветом: «Коттедж “Мелроуз”, Малый Холлинг, Силсфорд» — а под ней еще одна, более мелкими желтыми буквами: «Конни и Киту, 13 июля 2004».

— Но ведь «Мелроуз» — не красный, — обычно протестовала я, до того как смирилась. — Он ведь построен из светлого известняка. Не думаешь ли ты, что маме взбрело в голову изобразить наш дом истекающим кровью?

Оформив покупку, мы с Китом для краткости называли наш дом просто «Мелроуз»¹. Теперь, уже давно обосновавшись здесь и досконально, как свои пять пальцев, узнав это жилище, мы дали ему прозвище «Мелодрама».

Что мог бы подумать сторонний наблюдатель, созерцающая эту гобеленовую картину?

Может, подумал бы, что после покупки собственного дома мы с Китом, совсем одурев от радости, боялись забыть наши собственные имена? Иначе зачем решили повесить на стену такое напоминание? Сумел бы посторонний человек догадаться, что перед ним подарок, старательно вышитый к новоселью руками матери Конни и что сама Конни считала картину приторно примитивной и упорно сражалась за ее изгнание на чердак?

Но благодаря настойчивости Кита, сохранив преданность родне и лично моей маме, мы все-таки повесили ее подарочек на стену. Кит заявил, что картина идеально подойдет для нашей спальни, поскольку в этом случае гости не увидят ее. По-моему, теперь уже он вовсе не замечает сей рукотворный шедевр. А я замечаю — каждый вечер, ложась спать, и каждое утро, просыпаясь. Картина угнетает меня по целому ряду причин. Заглянувший в нашу спальню человек ни за что не догадался бы, какими спорами и компромиссами сопровождался выбор ее обстановки. Никто не заметил бы ни отсутствия так необходимой Киту прикроватной тумбочки, ни картины, которую я мечтала бы повесить над камином, если б там не пламенел мамин гобелен с отвратительным красным домом.

Следовательно, вид комнаты в чужом доме ни о чем существенном не говорит, и мне нет смысла пытаться

¹ Вероятно, название коттеджа связано с названием местечка в популярной в 1992—1999 гг. американской мыльной опере «Мелроуз-плейс».

что-то проверить, даже теперь, уже дождавшись сонного дыхания Кита. То есть мне тоже следовало бы спать.

Как можно тише я откинула мой край пухового одеяла, вылезла из кровати и на цыпочках прошла во вторую спальню, превращенную нами в домашний офис. Здесь мы занимались нашим бизнесом, и такой выбор не назовешь слишком умным, учитывая, что размер комнаты составляет примерно одиннадцать футов в длину и десять футов в ширину, или чуть больше десяти квадратных метров. Так же, как в нашей с Китаем спальне, здесь имелся камин с чугунной решеткой. Но мы умудрились втиснуть сюда два письменных стола, по стулу для каждого из нас и три шкафа для хранения документов. Получив в Регистрационной палате нашу фирменную лицензию, Кит вставил ее в рамочку и повесил на стену напротив двери. В итоге именно на эту лицензию и падал взгляд при входе в комнату.

— Это просто законная необходимость, — пояснил он, отвечая на мои жалобы по поводу скучного и бюрократического вида такой вывески. — Надо же показать, что здесь своего рода штаб-квартира компании. Неужели тебе хочется, чтобы «Нулли» начала свою деятельность с нарушения закона?

«Нулли Секундус Лтд.». Такое название для нашего акционерного общества с ограниченной ответственностью выбрал Кит, и в переводе с латинского оно означает — «Никем не превзойденный».

— Наводит на мысль об искушении судьбы и обреченности нашего провала, — заметила я в ходе обсуждения нами будущего названия, представив, насколько тяжелее с таким самодовольным названием будет переживать банкротство. Сама я предлагала назвать нашу фирму «К & К Боускилл Лтд.».

— То есть просто *наши* имена, — язвительно произнес Кит, словно я могла упустить такой факт. — Ради бога, задействуй хоть толику воображения! Уверенность тоже способствует успеху. Разве мы запустили наш бизнес в

расчете на банкротство? Не знаю, как ты, но я решительно намерен добиться успеха.

В чем еще, Кит, ты добился успеха? Какие достижения ты утаил от меня?

Конни, ты ведешь себя смехотворно. И твоя смехотворность никем не превзойдена!

Я коснулась сенсорной панели моего ноутбука, и тот послушно ожил. Открылся экран с заставкой поисковой системы «Гугл». Я напечатала в строке поиска «дома на продажу», нажала клавишу ввода и замерла в ожидании. Первый появившийся результат поиска предложил мне вебсайт компании «Золотая ярмарка недвижимости», которая, видимо, претендовала на первенство в Соединенном Королевстве по сделкам с недвижимостью. Я щелкнула по выданному адресу, рассудив, что основатели «Золотой ярмарки» во взглядах на саморекламу придерживаются, очевидно, скорее взгляда Кита: их совершенно не волновало возможное унижение при вынужденном банкротстве.

Загрузилась начальная страница вебсайта: выигрышные рекламные фотографии предлагаемых на продажу домов, под каждой из них в ярко-красных рамках множество маленьких снимков с курсором в виде лупы, причем каждая лупа оснащена дополнительной парой глаз. Эти глаза производили жутковатое впечатление, наводя меня на мысль о тайных соглядатаях, которые шпионят друг за другом.

А разве сама ты не тем же занимаешься?

В строке уточнения места я набрала «Кембридж» и щелкнула по экранной кнопке «на продажу». Появился очередной экран, предлагая мне более точный выбор. С нетерпением я продолжила сужать ареал поиска. Радиус: только в этом районе. Тип недвижимости: коттеджи. Число спален: любое. Диапазон цен: любой. Дополнительные позиции... Когда же добавится Бенгли-гров, 11? Я щелкнула по временной кнопке: «Последние 7 дней». Хотя неделю тому назад дом еще не продавался, ведь табличку «Продается» я увидела в его палисаднике

только сегодня... вернее, вчера, учитывая, что сейчас уже половина второго ночи.

Постукивая по полу голыми ногами, я коснулась кнопки «Найти недвижимость» и на мгновение закрыла глаза. Открыв их, увидела появившиеся на экране фотографии домов: один — на Чосер-роуд за четыре миллиона фунтов, другой — на Ньютон-роуд за два миллиона триста тысяч. Обе улицы оказались мне знакомы — они находились поблизости от Бентли-гроув, за Трампингтон-роуд. И я прогуливалась там во время моих многочисленных тайных поездок в Кембридж.

Третьим в списке предложений стоял дом №11 на Бентли-гроув. Его предлагали за миллион двести тысяч фунтов. Меня удивила столь высокая цена. Дом, конечно, выглядел прилично, но не слишком впечатляюще. Очевидно, этот район Кембриджа считался более престижным, хотя, на мой взгляд, не представлял ничего особенно хорошего, а уж о пробках на Трампингтон-роуд и вспоминать не хочется: там зачастую быстрее дойдешь пешком, чем доедешь. По соседству также находились сетевой супермаркет «Уэйтроуз», индийский ресторанчик, специализированный винный магазин и пара агентств по продаже недвижимости. *А также множество огромных дорожных особняков.* Если запрашиваемые цены на дома в этом районе города начинаются с миллиона, то значит, должно быть и множество людей, способных заплатить такую цену. Кто же они? На ум мне, сама не знаю почему, пришел вдруг сэр Клифф Ричард¹. Кто еще? Владельцы футбольных клубов или нефтяных скважин, пробуренных в собственных садах за домами? Увы, нам с Китом такую цену точно не потянуть, а ведь бизнес наш развернулся на редкость удачно, даже процветал...

Я выкинула эти мысли из головы, отругав себя: «Вот идиотка, ты могла бы сейчас спать. А вместо этого тор-

¹ Сэр Клифф Ричард (р. 1940) — псевдоним известного британского исполнителя популярной музыки Гарри Роджера Уэбба, одним из первых среди англичан начавшего исполнять рок-н-ролл.

чишь тут, съезжившись, в темноте за компьютером, сознавая превосходство Клиффа Ричарда. Надо взять себя в руки».

Для уточнения деталей я щелкнула по фотографии так хорошо знакомого мне с виду дома. Не верится, что в мире найдется еще один человек, способный дольше меня разглядывать фасад дома №11 на Бентли-гроув, — мне известен практически каждый кирпич на его фасаде. Странно, почти поразительно, видеть его фото на моем компьютере — в моем доме, где ему быть не положено.

Приглашаешь врага в дом...

«Нет никакого врага, — твердо сказала я себе. — Займись делом, проверь обстановочку и возвращайся в кровать».

Кит начал похрапывать. Вот и славно. Не представляю, как бы я оправдывалась, если б он застал меня ночью за компьютером, как бы я доказала собственное здравомыслие.

Итак, нужная страничка загрузилась. Меня не интересовала панорамная фотография в левой части страницы — ее сделали с другой стороны улицы. Мне нужно было посмотреть внутренние помещения дома. Поочередно я щелкала по мелким снимкам с правой стороны экрана, добиваясь их увеличения. Первой мне показали кухню: деревянные столешницы, сдвоенная раковина из глазурованного белого фарфора, лазурно-голубая отделка кухонного «островка» с деревянной столешницей...

Кит терпеть не может эти «островки». Он считает их уродливыми и претенциозными — вычурность, заимствованная у американцев. Он называет их «авокадовыми туалетными наборами будущего». Не прошло и пары недель после нашего заселения в этот дом, а он уже избавился от такого пресловутого кухонного «островка», заказав местному столюру соорудить для нас большой и круглый дубовый стол.

Кита не устроила бы кухня на этой фотографии, раз уж она оснащена столь традиционным «островком».